

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ФЕНОМЕНОЛОГИЯ КАК МЕТОД ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ АВСТРИЙСКОЙ ШКОЛЫ

П.В. УСАНОВ,

кандидат экономических наук, доцент,
Государственный университет — Высшая школа экономики,
e-mail: usanovpv@mail.ru

В статье содержится исследование философских оснований экономической теории. На примере соотношения феноменологии Э. Гуссерля и политической экономики австрийской школы демонстрируется перспективность экономической феноменологии как метода субъективной политической экономики. Автор анализирует состояние современного мейнстрима и его философских оснований и приходит к выводу о «кризисе оснований» экономической теории, который может быть преодолен на принципах феноменологии Э. Гуссерля.

Ключевые слова: феноменология; австрийская школа экономики; Э. Гуссерль; Л. фон Мизес; праксиология.

In this article consider investigation of philosophical evidence of Economics. As example described Phenomenology as foundation and methodology of Austrian Economics. This issue demonstrating links between ideas of E. Husserl and L. von Mises. Author analyzed condition of mainstream of Economics and his philosophical evidence and conclude that crisis of economics — is the «evidence crisis». Economics can overcome this crisis at the expense of Phenomenology of E. Husserl.

Keywords: austrian economics; E. Husserl; L. von Mises; praxeology.

Коды классификатора JEL: B25, B53

«Ни один обзор философских течений этой эпохи (с 1870 по 1914 г.) не может позволить себе упустить из виду имя Эдмунда Гуссерля и начало феноменологии».

Й. Шумпетер [36, с. 1024]

«Экономисту ... нужно начинать с выведения закона основного простого феномена».

О. Бем-Баверк [4, с. 171]

«Онтологически эйдетические науки (например, рациональная психология, социология) еще не получили своего основания или по крайней мере своего чистого и безукоризненного основания»

Э. Гуссерль [8, с. 186]

Отмечая высокую значимость феноменологии Э. Гуссерля для истории экономического анализа, Й. Шумпетер в вышеприведенной цитате из «Истории экономического анализа» все же не находит необходимым более детальное изложение проблематики взаимодействия и взаимовлияния феноменологии и экономической теории, останавливаясь, фактически, на упоминании Э. Гуссерля всего на одной странице (с. 1024) своего полуторатысестраничного *tagnum opus*. На этой странице он утверждает, что феноменология является чисто философской наукой и какого бы то ни было влияния на конкретные науки она оказать не может¹. Обычная основательность в суждениях, столь характерная для Й. Шумпетера, видимо, в данном случае дала сбой, предмет рассмотрения был «вынесен в скобки»,² и с тех пор на страницах всех историй экономической мысли и экономической ме-

¹ «Гуссерль наиболее автономен от социальных и социопсихологических фактов: его творчество — это продукт исключительно филиации философских идей» [36, с. 1025].

² Й. Шумпетер пишет, что «попытка беглой характеристики этого направления, как представляется, может породить только путаницу. Поэтому ограничусь ссылкой». Й Шумпетер ссылается на популярную книгу одного из феноменологов [39], ни на одну работу самого Гуссерля или его непосредственных учеников он не ссылается. Характерно, что он также не упоминает А. Шюца, непосредственного ученика Э. Гуссерля, применявшего его идеи как раз в социальных и социопсихологических областях еще в тридцатые годы XX века. Сам Э. Гуссерль высоко оценил работы А. Шюца и считал, что «имеется феноменология социального духа, общественных образований, культурных формосложений и т. д.», а не только чисто философская наука [8, с. 186].

тодологии имя одного из величайших философов XX века³ даже не встречается⁴. Бем-Баверк в своих «Основах теории ценности хозяйственных благ» во главу угла ставит первофеномен хозяйственной деятельности, и именно его обнаружение и исследование должно быть верным обоснованием всей экономической теории, но последняя нуждается также в аподиктически достоверном основании, а именно в обосновании философском. Свою феноменологию Э. Гуссерль рассматривал как основную науку, которая дает чистое и безукоризненное обоснование всем наукам⁵, в том числе и социальным. Если экономическая теория должна иметь научно-философское обоснование, то работы феноменологов могут послужить серьезным подспорьем для его формирования. В противном случае, лишенная основания, экономическая теория «висит в воздухе» и все ее положения могут оказаться совокупностью сомнительных гипотез или техникой комбинации знаков, техникой создания гипертекстов [6, с. 32].

Данная статья призвана «навести мосты» между феноменологией Э. Гуссерля и экономической теорией для того, чтобы представители обеих наук могли повысить плодотворность своих исследований.

В первой части статьи речь идет о кризисе современной неоклассической теории и о глубинных причинах, лежащих в его основе. Во второй части рассматриваются основные понятия феноменологии, необходимые для понимания того, какие взаимосвязи существуют между экономической теорией и феноменологией. В третьей части речь идет о применении феноменологии в экономических исследованиях, а также о том, что праксиология австрийской школы является неявным использованием феноменологии Э. Гуссерля и что осознание этого факта может пролить свет на ряд теоретических проблем экономической науки.

I

Является ли экономическая теория строгой наукой в смысле Э. Гуссерля? Если ответ положительный, то у экономической теории должен существовать универсальный метод, позволяющий открывать истины экономической действительности. Но такого метода нет и не может быть, с точки зрения позитивистской методологии (К. Поппер «Существует метод опровержения, но не существует метода доказательства»), стремящейся к тому, чтобы быть обоснованием экономической теории неоклассического направления. Действительно, то, что сегодня зовется экономической методологией, является странным феноменом, вызывающим скорее «головную боль»⁶, чем вдохновляющим на творческую активность⁷. Существуют попытки сделать экономическую методологию менее нормативной и более ценной для ее пользователей⁸, но к универсальному методу они даже не стремятся, считая такую цель чрезвычайно амбициозной или же просто недостижимой. Но, отказываясь от такой «амбициозной» цели, экономисты-методологи допускают проникновение в экономическую теорию агностицизма и скептицизма, верных спутников упадка и разложения. Гуссерль в своей итоговой книге «Кризис европейских наук» предостерегал от «ленивого рационализма», являющегося не опровержением рациональной науки и методологии, а лишь ослабленной («ленивой») формой последнего. М. Блауг также предостерегал экономистов от того, чтобы заразиться постмодернизмом, но не желал признать тот факт, что тенденция к иррационализму в экономической методологии является неизбежным следствием позитивизма и особенно фальсификационизма.

³ Так, характеризует Гуссерля например, Я.А. Слинин [10, с. 5]. Последователями Э. Гуссерля считали себя М. Шелер, М. Хайдеггер, Н. Гартман, Ж.-П. Сартр и многие другие.

⁴ На страницах таких книг, как «Экономическая мысль в ретроспективе» и «Методология экономической науки» М. Блауга, «Основные течения современной экономической мысли» Б. Селигмена, «История экономической теории» Т. Негиши, A History of Economic Theory and Method, R. Ekelund, R. Hebert. «Истории экономических учений» под ред. В.С. Автономова, О.И. Ананьина, Н. М. Макашевой и др. его имя Э. Гуссерля даже не упоминается, хотя можно найти имена Т. Куна, П. Фейерабенда, К. Поппера, И. Лакатоша, каждый из которых не является основателем принципиально нового направления в философии, что не скажешь об основоположнике феноменологии, нового направления в философии, Э. Гуссерле.

⁵ «Феноменология является единственно абсолютно самостоятельной наукой» [42, с. 152].

⁶ Р. Харрод писал в 1938 г.: «Зачастую бесполезности методологических выводов сопутствует утомительность процесса, которым он достигается», а В.С. Автономов отмечал, что «большинство экономистов, по всей видимости, не интересуются вопросами экономической методологии или даже относятся к ней неприязненно» [19, с. 11]. Не потому ли, что, с их точки зрения, ценность изучения методологии не превышает затрат на ее освоение, а «головная боль» в процессе ее изучения не венчается ценными выводами.

⁷ Антиподом малопродуктивного представления о методологии может послужить девиз И.В. Гете: «Обдумай что, но более обдумай как».

⁸ Следует отметить, что экономисты-методологи исследуют вопрос познания в экономической теории до того, как исследовать сам процесс познания. Иначе говоря, в современной экономической теории отсутствует гносеология (еще одно слово, отсутствующее в словаре современных экономистов-методологов). Но если так строить исследование, то предпосылки, неявно заложенные в исследование, будут детерминировать и выводы. Так, если мы предположим, что вся человеческая деятельность детерминирована психосексуальными комплексами, как во фрейдизме, то и факты будут рассматриваться лишь те, что согласуются с нашей предпосылкой. Избежать этого можно лишь в случае беспредпосылочной теории познания (гносеологии), которая не опирается ни на какие предпосылки, а основывается на непосредственном опыте познания. Это было уже известно многим философам задолго до Э. Гуссерля [17, с. 69].

В статье 2002 г. М. Блауг признавал, что современная экономическая теория находится в кризисе [38, с. 35–56]: «Наше понимание того, как функционируют реальные рынки, стало едва ли не меньшим, чем было у Адама Смита и Леона Вальраса ... Не удивительно, что мы как профессиональное сообщество оказались хуже, чем бесполезными, когда начали давать советы правительствам Восточной Европы, как им переходить от командной экономики к рыночной [2, с. 121]». Кроме того, сам факт крушения советской плановой экономики стал полнейшей неожиданностью для многих экономистов неоклассического направления, в том числе для М. Блауга: «Постепенно и крайне неохотно, но я все же пришел к выводу о том, что они (австрийская школа) были правы, а мы все заблуждались (в вопросе о вальрасианском общем равновесии и возможности экономического расчета при социализме) ... С управленческой точки зрения, наивной настолько, что она была решительно смехотворна, повестись на этот вздор могли только люди, одурманенные статической теорией равновесия в условиях совершенной конкуренции. В 1950-х я оказался в числе тех, кто, будучи студентом, схавал все это, но сейчас могу только изумиться собственному идиотизму [28, с. 164]⁹».

Если маститые экономисты признают, что кризис в современной экономической теории налицо, то какова причина этого кризиса? Если попытаться дать ответ на поставленный вопрос с точки зрения феноменологии Э. Гуссерля, то ответ получится следующим. Всякий кризис современной науки есть кризис ее оснований, т. е. кризис субъекта научного творчества. В выше упоминавшейся книге «Кризис европейских наук» Э. Гуссерль утверждал, что все европейские науки находятся в кризисе и связан этот кризис с тем, что они потеряли свой *telos* (смысл), наука, становясь все более абстрактной, лишается всякой связи с тем, что он называл «жизненным миром» человека, в таком случае наука дегуманизируется, вырождаясь в *techne* (технику)¹⁰ комбинации знаков, принципиально ничем не отличающуюся от карточной игры. Европейские науки не смогли дать ответы на те вопросы, которые ставил человек в своем «жизненном мире», вместо науки эти вопросы решала «практика»¹¹, которая в XX в. довела мир до угрозы самоуничтожения, ученый же удалился в «башню из слоновой кости», где продолжил более интенсивно заниматься «игрой в бисер», понимая, что основание дома уже в огне. Э. Гуссерль всем своим существом противился такому положению дел, видя кризис европейской цивилизации и науки в духовном кризисе, в отрыве науки от жизни. Но не на путях иррациональной философии жизни видел Э. Гуссерль решение, а на путях возврата науки к жизненному миру, посредством обновления оснований в виде трансцендентальной феноменологии, которая должна послужить верным основанием всех наук и стать источником выхода европейских наук из кризиса. Экономическая теория почувствовала кризис позже, так как сама стала наукой только в последние пятьдесят лет¹², но кризис современной экономической теории также носит характер кризиса оснований. Если макроэкономика должна быть обоснована микроэкономически (что вполне законно), то и сама микроэкономика должна иметь основания. Но этим основанием не может стать ни психология, ни физика, ни математика, а лишь фундаментальная философия, рассматриваемая как строгая наука.

Но какая философия является основанием современной неоклассической теории? Экзистенциализм? Материализм? Идеализм? Позитивизм? Вряд ли первые три имеют какое-либо отношение к микроэкономическому анализу и вообще к неоклассической теории. Лишь последний (позитивизм) претендует на то, чтобы дать экономистам метод экономических исследований и критерий научности их работы. Но позитивизм, стремясь дать критерий демаркации, оставляет за пределами объективной науки все метафизические вопросы, как те, что не могут быть в принципе разрешены путем рационального научного исследования. Относительно этих вопросов мы неизбежно находимся в состоянии невозможности ни доказать, ни опровергнуть наши утверждения. Нам неизвестно, являются ли они истинными или ложными. Последовательный позитивизм всегда должен заканчиваться

⁹ М. Блауг не был в одиночестве, для Р. Коуза это также была полная неожиданность: «Из того, что я знал и прочел, ничто не указывало на надвигающийся крах». К нему присоединяется Ш. Роузен: «Случившийся в прошлом десятилетии крах системы централизованного планирования для большинства из нас стал полной неожиданностью» [28, с. 163–164]. Нечего говорить и о подавляющем большинстве политэкономов в Советской России, возвращенных на тезисе о неизбежности крушения капитализма. Крушение реального социализма не заставило отказаться от объективизма, роднящего неоклассическую теорию с марксизмом. В одном своем выступлении А.П. Заостровцев отметил, что политическая экономия капитализма и социализма никуда не делись, под маркой политэкономии капитализма теперь скрывается микроэкономика, а под маркой политэкономии социализма — макроэкономика. Кризис оснований социализма не затронул оснований неоклассической теории. Возможно, потому что у нее нет оснований?

¹⁰ «Наука в ее специфически научной форме превратилась в некоего рода теоретическую технику, которая, как и всякая техника в обычном смысле, чаще держится на самовозвращенной в многосторонней и многоопытной практической деятельности, «практическом опыте» ..., чем на вникании в *ratio* осуществленного действия» [41, с. 78].

¹¹ Г. Шпет в своих «Очерках развития русской философии» писал о «практике» в России, что в российском обществе, «в среде которого воровство, взятка, обман и лицемерие в детстве — игра, а в зрелые годы — единственное дело, все остальное — слова» [34, с. 263].

¹² П. Самуэльсон отсчитывает ее рождение как науки с 1969 г., т. е. с года начала вручения Нобелевской премии по экономике.

агностицизмом в вопросах метафизики¹³. Но если у нас нет критерия для оценки метафизических систем, то как мы можем оценить верность самого позитивизма, ведь он также является лишь одним из видов метафизических систем? Таким образом, позитивизм пытается обосновать науку с помощью тех средств, которые сам признает ненаучными, т. е. он делает то, за что критикует все остальные метафизические системы: философски дает основание науке, но уничтожает первую¹⁴. Если во время строительства рухнет первый этаж, на котором хотят возвести второй, то рухнет все здание. Такова неизбежная участь позитивистски ориентированной экономической теории.

Выход заключается в том, чтобы дать философское обоснование экономической теории, но из всех философских направлений лишь феноменология Э. Гуссерля претендует на то, чтобы быть строгой наукой.

II

Истоки феноменологии могут быть найдены уже у Д. Юма¹⁵, которого высоко ценил и считал непонятым Э. Гуссерль. Но, конечно же, задолго до Д. Юма французский философ Р. Декарт сформулировал тезис, породивший новоевропейский рационализм и соответствующую философию. Э. Гуссерль даже называл феноменологию неокартезианством [10, с. 49]. Но все же родоначальником феноменологии следует считать именно Э. Гуссерля¹⁶, австрийского философа, большую часть жизни проведшего в Германии.

Феноменология Э. Гуссерля существенно отличается от феноменологии Гегеля тем, что у последнего нет беспредпосылочной теории познания, без которой, по Э. Гуссерлю, невозможна философия как наука, к которой стремился автор «Феноменологии духа»¹⁷. Феноменологию Э. Гуссерль понимал как «сверхзадачу» всей истории философии и всего новоевропейского духа достичь того, чтобы философия стала особенной наукой об абсолютно достоверном познании, которая бы стала для остальных наук вернейшим основанием и источником рационального мировоззрения¹⁸.

В данной статье совершенно невозможно (по причинам ее недостаточного объема) развернуто изложить содержание феноменологии, но необходимо сформулировать те фундаментальные положения феноменологии, которые позволят создать проблемное поле между полюсами феноменологии и чистой экономической теории, т. е. тезисно изложить ее основные понятия¹⁹.

¹³ Один из параграфов книги Э. Гуссерля так и называется «Эмпиризм — это скептицизм» [8, с. 71–73]. Абсолютно последовательный эмпиризм — это абсолютный иллюзионизм.

¹⁴ Э. Гуссерль пишет о том, что «позитивизм обезглавил философию» [11, с. 7]. Если это так, то и позитивизм как философское обоснование также обезглавлен и не может быть в принципе философским обоснованием экономической теории.

¹⁵ «В наиболее важном аспекте величие Юма не признано» [37, с. 32].

¹⁶ Наиболее полные биографические сведения о Э. Гуссерле можно почерпнуть в книге Н.В. Мотрошиловой [23]. Эдмунд Гуссерль (1859–1938) родился в Моравии 8 апреля 1859 г., в 1881 г. закончил Лейпцигский университет, где изучал математические дисциплины, после завершения учебы и до 1884 года Э. Гуссерль работал в Берлинском университете у знаменитого немецкого математика К. Вейерштрасса, который прочил своему ассистенту большое будущее в качестве математика. Но судьба распорядилась иначе. Э. Гуссерль заинтересовался философскими основаниями математики и философией в целом, решив посвятить себя решению этих проблем. Для этого он получил философское образование в Венском университете, у известного австрийского философа Ф. Brentano (1838–1917) который был «первооткрывателем» принципа интенциональности сознания в теоретической психологии, ему также принадлежит основной труд «Психология с эмпирической точки зрения». В 1887 г. Э. Гуссерль защитил докторскую диссертацию в Галльском университете и состоял там в должности доцента до 1901 г. Э. Гуссерль стал экстраординарным профессором в Геттингене, где преподавал до 1916 г., после чего возглавил кафедру философии во Фрейбургском университете. В 1928 г. он вышел в отставку по возрасту, но до конца продолжал активную исследовательскую деятельность. После прихода в Германии к власти нацистов Э. Гуссерль по причине своей национальности (он был евреем) был подвергнут домашнему аресту по приказу своего бывшего ученика М. Хайдеггера. Умер Э. Гуссерль 26 апреля 1938 г. во Фрейбурге от плеврита. После смерти Э. Гуссерля осталось более 40 000 листов рукописного текста, которые до сих пор публикуются в многотомной Гуссерлиане. Его перу принадлежат такие работы, как «Философия арифметики» (1881), «Логические исследования» в 2-х томах (1900–1901), «Философия как строгая наука» (1911), «Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии» (1913), «Лекции по феноменологии внутреннего сознания времени» (1928), «Формальная и трансцендентальная логика» (1929), «Картезианские размышления» (1931), «Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология» (1936). Не переведены на русский язык на данный момент работы 1881 и 1929 гг., а также вторая часть II тома «Логических исследований».

¹⁷ Следует отметить, что последние годы жизни Г.Г. Шпет, «первый русский гуссерлианец», провел, переводя «Феноменологию духа» Гегеля. Об этом переводе говорят, что если бы сам Гегель писал свою книгу на русском, то он бы не изменил в переводе Г.Г. Шпета ни слова [7]. По поводу феноменологии Г.Г. Шпет писал в первой систематической работе по феноменологии в России: «Поворот в философии, созданный Гуссерлем, остается очевидным» [35, 308]. Актуальна также мысль Г.Г. Шпета о слове, так как К. Менгер относил язык к «непреднамеренным последствиям человеческой деятельности»: «Содержание слова есть объективация субъективного». [33, с. 192].

¹⁸ «Философская наука есть то, что наиболее необходимо нашему времени» [12, с. 55].

¹⁹ Для более полной характеристики можно воспользоваться следующими работами [23, 26, 3].

Понятием, которое было впервые добыто философией посредством дескрипции априорного знания, стало понятие *интенциональности сознания*, которое является еще у Ф. Brentano одной из основополагающих характеристик сознания. Под интенциональностью Ф. Brentano и Э. Гуссерль понимали особенность сознания «не быть пустым», сознание характеризуется направленностью на нечто, на предмет сознания, которое выделяет актом внимания (интенции) из окружающей среды те или иные предметы, становящиеся для сознания феноменами и наполняющие его своим содержанием. Феноменология начинает свое исследование с рассмотрения *интенциональных предметов*, т. е. тех, что конституируются самим актом внимания, самим субъектом познания. Именно субъект познания наделяет объекты той или иной характеристикой, придает им «индекс значимости», как говорил сам Э. Гуссерль.

В процессе познания сознание характеризуется направленностью на нечто, но такой акт восприятия не является чистым и аподиктически достоверным, так как включает в себя так называемые естественные установки, предпосылки, которые не позволяют нам достичь чистоты опыта и очевидности. Для достижения очевидности нам необходимо «вынести в скобки» все предпосылки, все наши знания, для того чтобы не они определяли наше сознание, а наше сознание, стремящееся к истине, непосредственно его восприняло. Такой акт вынесения в скобки Э. Гуссерль называл *феноменологической редукцией*, или *эпохе*, актом воздержания от суждения. В результате его последовательного осуществления мы достигаем чистого сознания, которое направляется на нередуцированный остаток. Не осталось ли нечто неустранимое после осуществления феноменологической редукции? Если мы обнаружили нечто невыносимое в скобки, то именно это и является искомым первофеноменом сознания. Дальнейшая задача исследования заключается в том, чтобы подвергнуть этот объект сознания дескрипции, такая дескрипция будет эйдетической или априорной. Весь процесс в целом следует признать интроспекцией, которая, правда, строится на некой строгой методике, приносящей результаты только тогда, когда осуществляется предельно точно и последовательно.

Если мы подвергнем все наши естественные установки временному индексу обнуления, эпохе, то нередуцированным остатком будет то, что наше сознание характеризуется *временностью* («длительностью» по А. Бергсону), это имманентное свойство сознания, характеризующееся качественной сменой состояний. Такое время принципиально отлично от объективного времени физико-математических наук²⁰.

Одной из категорий позднего Э. Гуссерля является категория *жизненного мира*. Под жизненным миром в «Кризисе европейских наук» понимается вся совокупность конкретных условий со всеми конкретными обстоятельствами индивидуума, характеризующаяся тесной связью с самим субъектом их восприятия, с тем «пространством» личного, в которое погружен и которое творит индивид. Один из путей выхода из кризиса Э. Гуссерль видит в создании науки о жизненном мире²¹, другой путь — от дескриптивной психологии к трансцендентальной феноменологии [11, с. 143–255].

Понятие *идеации* является одним из основополагающих в феноменологии Э. Гуссерля наряду с феноменологической редукцией. Идеация — это метод непосредственного, интуитивного²² восприятия априорных структур различных регионов сущего, позволяющий посредством его применения схватывать сущность того или иного явления, его чистую, априорную сущность, сущность всеобщего. Воспринимая что-либо, мы практикуем идеацию, но делаем это несознательно. Задача заключается в том, чтобы сделать этот процесс «схватывания сущностей» ясным и сознательным.

Хотя мы непосредственно можем познавать действительность, созерцая эйдос феномена, но в каждый конкретный момент времени мы знаем об объекте лишь то, на что было направлено наше внимание, остальная часть объекта оставалась для нас «темной», неясной. Прояснение, начинающееся с определенной точки, расширяется, охватывая все больше пространства смысла, региональные онтологии становятся возможными благодаря вниманию к тем сторонам объекта, которые ускользали от нас до этого. Некий регион — не географическое понятие, а понятие — добытое посредством идеации. Феноменология позволяет наполнить региональные онтологии²³ тем содержанием, которого не было до ее систематического применения в данной области, расширив *горизонт* восприятия.

Ноззис (субъект познания) и *нозма* (предмет познания) находятся в феноменологии Э. Гуссерля в состоянии корреляции, направленность сознания на объект коррелирует с тем, что воспринимается в акте восприятия. Невозможно воспринимать мыслимое без того, чтобы само мышление не оказывало влияния на предмет этого мышления. Объективное, таким образом, в феноменологии не может мыслиться иначе, как объективация субъективного, как некая «кристаллизация» субъективных актов оценивания и придания смысла. Феноменология является радикально субъективной наукой о сущем.

²⁰ «Феноменологическое время не имеет ничего общего ни с реальным «натуральным» временем, ни с временем в смысле естествознания, ни тем более с психологическим временем» [44, с. 4].

²¹ Современная философия и наука, по Гуссерлю, потеряли свой *thelos*, связывающий исследователя (ученого) с его жизненным миром.

²² Этому понятию в феноменологии не придается никакого «мистического» содержания, под интуицией следует понимать просто непосредственное восприятие, когда мы, например, непосредственно созерцаем число или материальный объект, мы также схватываем его эйдос. Также может применяться и фантазия как универсальное средство непосредственного схватывания сущности объекта.

²³ «Каждой опытной науке должна соответствовать предваряющая ее эйдетическая наука, предметом исследования которой является выяснение региональных априорных понятий, лежащих в основаниях соответствующих эмпирических наук» [26, с. 78].

Феномен в версии Э. Гуссерля, не есть понятие, противоположное ноумену в кантовской метафизике с его дуализмом «феномен-ноумен», а единственно достоверное понятие, являющееся как то, что мыслится, как непосредственная данность сознания (первичного опыта). Все есть феномен, за ним не стоит никакая «вещь в себе», непознаваемая для субъекта познания. Феномен наблюдаем так же, как и эмпирические данные, он является лишь определенным прафеноменом, доступным в акте идеации.

Посредством такого схватывания смысла как непосредственной самоданности мы воспринимаем *эйдос* этого феномена. Эйдос вещи — это сама вещь, но только правильно осмысленная, посредством феноменологической редукции, позволяющей наблюдать чистый феномен.

Эйдосы не даются нам трансцендентально, они не являются чем-то внешним по отношению к нам, они творятся субъектом восприятия, который «конструирует» структуры сознания. *Конституирование* есть акт осмысления и структурирования содержания смысла, при котором мы осмысляем данности как корреляцию ноззиса и ноэмы.

Все понятия феноменологии могут вызвать у неподготовленного читателя ощущение того, что данная философия должна привести нас к полнейшему солипсизму. Сам Э. Гуссерль в доказательство противного в V размышлении проводит анализ *интерсубъективности*²⁴, т. е. анализ существования других Я. Для этого он пользуется монадологией Г. Лейбница и рассматривает мир интерсубъективности как совокупность монад, каждая из которых может познать существование других посредством *аппрезентации* (аналогической апперцепции), когда индивид формирует в своем сознании представление о существовании других монад посредством аналогии со своим телом и другими воспринимаемыми объектами.

Мы не будем подробно останавливаться на истории феноменологического движения после Э. Гуссерля. Дело в том, что уже при жизни самого учителя ряд его учеников отошли от философии как строгой и рациональной науки, направившись в области «философии жизни», «экзистенциализма», «иррационализма» и т. д. [23]. Все это привело к тому, что М. Шелер, М. Хайдеггер, Ж.-П. Сартр исказили учение Э. Гуссерля, посчитав его чрезмерно теоретическим. Поэтому нам представляется в целом верной оценка истории феноменологии после Э. Гуссерля, данная К.А. Свасьяном — «от философии как строгой науки к тошноте» [26, с. 160–171]. Антирационализм книги «Бытие и время» М. Хайдеггера характеризуется потерей феноменологии чистого и сознательного познания сверхчувственного (схватывания в мышлении), на смену которой приходит «бытие к смерти». Слишком теоретический характер эйдетической феноменологии не устраивал настроенных на экзистенциальный лад философов типа Ж.-П. Сартра, чистая и строгая наука о феноменах сознания заменяется фрейд-экзистенциальной мешаниной и «аграрным мистицизмом». Вместо реализации проекта универсальной и основной науки о феноменах получили «литературу» о «страхе», «заброшенности», «заботе». В сущности, дело Э. Гуссерля по экспликации феноменологии в область конкретных наук было совершено и одобрено только в отношении социальной феноменологии А. Шюца и его последователей. Экзистенциализм, не являясь законным наследником эйдетической феноменологии, дискредитировал в глазах многих ученых идею самой феноменологии, ведь для того, чтобы ее воспринять непосредственно, необходимо стало пробираться к первоисточкам, т. е. к верному пониманию непростых и предельно абстрактных трудов основоположника феноменологического движения. Популяризация сделала свое дело: вместо углубления феноменологического метода, он подменялся модой на броские экзистенциальные «истории». Каким-то противоположением представляется искажение светлого лика феноменологии как строгой и рациональной науки в работах Ж.-П. Сартра почти порнографического характера («Бытие и ничто»), а именно телесность и «низ» стали предметом особого внимания выродившейся экзистенциальной версии «феноменологии». Если в свое время основным лозунгом феноменологии был лозунг «назад к вещам», то и в отношении феноменологии необходим такой возврат к пониманию истинного смысла феноменологического движения.

III

На сегодняшний день между феноменологией и любым направлением экономической мысли (кроме австрийской школы) не прослеживается непосредственной связи. Единственное исключение, известное автору, — это крайне благожелательное отношение В. Ойкена к философии Э. Гуссерля [24, 25] (он посещал семинар Э. Гуссерля²⁵ и сам признавался, что его вдохновляла феноменология). Действительно, в теории хозяйственного порядка можно наблюдать множество идей, которые характеризуют австрийскую традицию в экономической теории. Например, Ф. фон Хайек крайне лестно отзывался о работах В. Ойкена²⁶ и не забыл упомянуть о сложности восприятия идей Э. Гуссерля²⁷.

²⁴ «Ошибочно думать, полагают феноменологи, что социальный мир существует как нечто внешнее, объективное по отношению к людям» [3, 151]. «Социальный мир — это, собственно, не объективный, а субъективный мир, точнее интерсубъективно конструируемый» [3, 150–151].

²⁵ Кроме В. Ойкена, из экономистов семинар Э. Гуссерля посещал Карл Диль.

²⁶ «Он, по-видимому, был самым серьезным мыслителем в области социальной философии из всех, которых породила Германия за последние сто лет» [31, с. 224].

²⁷ «Через Шюца мы все познакомились с феноменологией Макса Вебера и Гуссерля (которую я так никогда и не мог понять, несмотря на уникальный преподавательский дар Кауфмана, помогавшего в этом деле Шюцу) [31, с. 43].

Необходимо выяснить, что общего существует между феноменологией Э. Гуссерля и различными направлениями и школами экономической теории, а также сосредоточить внимание на общих чертах феноменологии с одной из этих школ (австрийской). Этим нам необходимо сейчас непосредственно заняться для того, чтобы заполнить существующую на данный момент *лакуну* между чистой экономической теорией и чистой феноменологией.

Сопоставим следующие направления экономической науки: неоклассическая теория, кейнсианство, монетаризм, историческая школа, марксизм и австрийская школа. Что касается неоклассической теории, то, основываясь на позитивизме, она не нуждается в философском обосновании своей методологии и теории и не проявила в своей истории ни единственной попытки осмыслить методологию феноменологии²⁸. Кейнсианство, монетаризм и другие школы макроэкономики не сильно отличаются в этом отношении от неоклассического направления. Кроме разве того, что в работах самого Дж.М. Кейнса и посткейнсианцев можно найти примеры экономического анализа неопределенности, которая рассматривается в антипозитивистской тональности. Следует также отметить крайне скептическое отношение Дж.М. Кейнса к эконометрике и верификации [15, с. 433–462]. Но в его трудах также мы не найдем упоминания имени Э. Гуссерля. Казалось бы, историческая школа имеет дело с некими историческими феноменами и должна иметь нечто общее с феноменологией, особенно М. Вебер, соотечественник Э. Гуссерля, и такие попытки примирить феноменологию и М. Вебера действительно делались и делаются²⁹. Но в рамках исторической науки дело идет не об априорном знании (в любом смысле этого слова), а Э. Гуссерль считал феноменологию априорной наукой, но не в кантовском, а в аристотелевском смысле [9, с. 137–138]. Несмотря на все различия, которые бросаются в глаза, сопоставление феноменологии и марксизма дает пищу для размышлений. Во всяком случае, рецепция феноменологии, в отличие от всех вышеназванных направлений, существует. Так Ж.-П. Сартр стремился соединить метод К. Маркса с феноменологией, к тому же стремился Э. Фромм, а Г. Лукач даже обнаруживает эйдос марксизма посредством феноменологической редукции в начале своей книги «История и классовое сознание»³⁰. Но в целом такие попытки могут рассматриваться в рамках линии «от строгой науки к тошноте», это пример вырождения феноменологии, а не ее развития, сам Э. Гуссерль вряд ли бы признал адекватным обоснование марксизма посредством феноменологии. Следует отметить, что Э. Гуссерль называл феноменологию радикально субъективной наукой³¹, а объективизм марксизма является неотъемлемой чертой политической экономии капитализма и социализма с его объективными законами истории и объективной теорией стоимости.

Из всех названных направлений остается только австрийская школа, и с ней мы находим много общего в феноменологии Э. Гуссерля, т. е. того, что И. Гете называл «избирательным сродством». Среди общих черт мы можем выделить: априоризм, субъективизм, антиисторизм, антипсихологизм, антипозитивизм, вербальный и качественный анализ, антиматематизм и некоторые другие черты³², которые будут рассмотрены в тексте.

Начнем с того, что и феноменология и праксиология являются *априорными науками*, об этом не раз заявляли представители обеих интеллектуальных традиций. Феноменология является априорной наукой так же, как и праксиология в аристотелевском смысле. Под этим априори и Э. Гуссерль и Л. фон Мизес понимали не непознаваемую «вещь в себе», противоположную познаваемому феномену, а сущность какого-либо явления, но Э. Гуссерль идет дальше, обосновывая гносеологически возможность идеации, схватывания сущности вещи. Кроме того, феноменологию и праксиологию роднит общий взгляд на *субъективность* времени, в «Человеческой деятельности» Л. фон Мизес даже ссылается непосредственно на Э. Гуссерля и А. Бергсона [21, 96]³³. В программной статье «Философия как строгая наука» 1911 г. Э. Гуссерль осуществил критику как психологизма, так и историцизма

²⁸ К. Поппер даже пишет о теории познания без субъекта познания. См. «Теория познания без субъекта познания» [45, с. 106–152]. Не напоминает ли это известный «нож без лезвия и ручки»?

²⁹ Современное исследование в области социальной феноменологии принадлежит Смирновой Н.М. [27].

³⁰ «Допустим (хотя это и не так), что новейшими исследованиями была неопровержимо показана содержательная неправильность всех отдельных тезисов Маркса. Всякий серьезный «ортодоксальный» марксист мог бы безоговорочно признать эти новые результаты, отвергнуть все тезисы Маркса по отдельности, ни на минуту не отказываясь от своей марксистской ортодоксии. Ортодоксальный марксист, стало быть, означает не не критическое признание марксовых исследований, не «веру» в тот или иной тезис, не истолкование «священной» книги. Ортодоксия в вопросах марксизма, напротив, относится исключительно к методу» [18, с. 104–105]. Далее Г. Лукач делает вывод о том, что эйдосом марксизма, в смысле Э. Гуссерля, является принцип тотальности.

³¹ «В поле нашего зрения вступает бесприммерно своеобразная наука — наука о конкретно трансцендентальной субъективности... наука, образующая крайнюю противоположность по отношению к наукам в прежнем смысле слова, к объективным наукам. Теперь же речь идет, можно сказать, об абсолютно субъективной науке» [10, с. 91]. И кроме того: «Субъективизм может быть преодолен только посредством универсального и последовательного (трансцендентального) субъективизма» [43, с. 253].

³² «Объектом феноменологической критики являются «объективизм», «сциентизм» и «технизм» [3, с. 140].

³³ Вся пятая глава «Время» написана Л. фон Мизесом в феноменологическом стиле. Стоит также отметить, что Э. Гуссерль говорил по поводу А. Бергсона: «Подлинные последовательные бергсоианцы — это мы» [14, с. 138].

в вопросах познания истины, рассматривая первую как искажение чистоты опыта мышления, а вторую — как источник релятивизма в науке. Известно, насколько критично относились представители австрийской школы к историцизму и психологизму³⁴. То же самое можно сказать и о крайне скептическом отношении к позитивизму³⁵: Э. Гуссерль полагал, что позитивизм лишил философию права на существование, а представители австрийской школы видели в позитивизме предтечу конструктивизма и интервенционизма [30]. Известно, что представители австрийской школы негативно относились к применению математического анализа в экономической теории, и причина этого не в том, что они ее плохо знали, а в том, что перенесение метода естественных наук на область наук о человеческой деятельности носит неправомерный характер. Но это характерно также и для математика по образованию, ассистента знаменитого математика К. Вейерштрасса, Э. Гуссерля, который призвал отказаться от универсального математического метода в вопросах феноменологии³⁶. Интересно, что даже стилистически есть много общего в названиях у праксиологов и феноменологов³⁷. Так, многие труды Э. Гуссерля были посвящены логике: «Логические исследования», «Формальная и трансцендентальная логика», а представители австрийской теории называли праксиологию «логикой человеческой деятельности» и противопоставляли логическую теорию математической экономике. Можно найти также много общего между работами позднего Э. Гуссерля и праксиологией в отношении понятий «жизненного мира» и «интерсубъективной монадологии»; если взаимодействие монад у Э. Гуссерля подразумевает предустановленную гармонию, то идея Ф. фон Хайека о спонтанном порядке человеческого сотрудничества оказывается близкой к монадологии Г. Лейбница. Уже упоминалось, что один из лозунгов феноменологического движения звучал «назад к вещам», но то же можно сказать и о праксиологии, она также призвала к меньшему количеству абстракций и к реалистичности метода, и их лозунг мог также звучать «назад к экономике», от которой оторвалась абстрактная математизированная экономика. Хотя Й. Шумпетера некоторые исследователи не считают последовательным «австрийцем», тем не менее его понятие преданалитического акта видения, с которого начинается создание теории, имеет много общего с понятием допредикативного непосредственного восприятия чистого феномена. В своей «Истории экономического анализа» Й. Шумпетер имплицитно использует феноменологическую редукцию, с тем чтобы определить, каков был первичное видение хозяйственной деятельности у того или иного экономиста. Все вышесказанное говорит о том, что праксиологов и феноменологов роднит очень многое, и даже, что политическая экономия австрийской школы в своей методологии является феноменологией, а «австрийцы» — практикующие феноменологию экономисты. Метод политической экономии австрийской школы — экономическая феноменология, а априорный, логический, субъективный и т. д. — это лишь различные предикаты феноменологического метода³⁸. Можно даже сказать, что нам не удалось найти ни одной черты, которая бы заставила нас противопоставить праксиологию феноменологии. Удивительно, что этот факт ускользал из сознания как феноменологов, так и праксиологов. Возможное объяснение — сложность освоения феноменологии, в котором признавался и сам Ф. фон Хайек³⁹.

Нам могут возразить, что среди представителей австрийской школы есть такие экономисты, которые не практиковали экономическую феноменологию даже имплицитно. Действительно, можно сказать, что уже у Л. фон Мизеса содержатся элементы не феноменологические, прежде всего идет речь о проникновении не существовавшей до этого кантовского априори, приводящего к агностицизму в определенных вопросах⁴⁰. Это приводит к тому, что в этически нейтральной праксиологии появляется своя «объективная» этика, речь идет о «Этике свободы» М. Ротбарда. Но это лишь одна из ветвей, которая в конечном итоге не является последовательно праксиологической, поэтому в целом австрийская школа характеризуется имплицитным применением феноменологического метода.

³⁴ Правда, в последнем часто обвиняли самих «австрийцев» [5, с. 817–905].

³⁵ Характерно, что математик Герман Вейль отзывался о феноменологии в следующем ключе: «Гуссерль стал тем, кто вывел меня из позитивизма и наново открыл мне более свободный взгляд на мир» [26, с. 163].

³⁶ «Прежде всего мы должны освободиться от уже упомянутого выше предрассудка, происходящего из преклонения перед математическим естествознанием» [10, с. 82]. Кроме того: «Феноменология освобождает нас от старого объективистского идеала научной системы ..., которая могла бы строиться по аналогии с физикой» [11, с. 349]. Еще одно высказывание Э. Гуссерля: «И речи быть не может о том, чтобы философии следует методически (или же по существу!) ориентироваться на точные науки и их методику ставить себе в пример» [9, с. 89–90].

³⁷ Э. Гуссерль пишет о «спонтанности переживаний», напоминающих «спонтанный порядок» Ф. фон Хайека и его книгу «Сенсорный порядок» [3, с. 140; 41, с. 102–132].

³⁸ Следует отметить, что Л. фон Мизес о методе праксиологии упоминает всего на одной странице (223), хотя определение праксиологии встречается в 10 местах (с. 6, 10, 15, 23, 30, 31, 33, 89, 134, 221) [21]. Таким методом Л. фон Мизес считает метод идеальных конструкций, но признает, что этот метод сложно применить, поскольку он приводит к ложным силлогизмам. «Он ведет по острию бритвы, по обе стороны которого зияющая пропасть абсурда и бессмыслицы» [21, с. 224]. Не может ли феноменология быть в помощь, если риск метода идеальных конструкций столь велик? И не является ли этот «метод» всего лишь кратким обозначением феноменологической редукции Э. Гуссерля?

³⁹ «Через Шюца мы все познакомились с феноменологией Макса Вебера и Гуссерля (которую я так никогда и не мог понять, несмотря на уникальный преподавательский дар Кауфмана, помогавшего в этом деле Шюцу) [31, с. 43].

⁴⁰ «Общий подход Мизеса к теоретическим проблемам и его терминология не обнаруживают влияния Менгера, а, скорее, несут на себе печать неокантианской философии» [16, с. 41].

Мы можем теперь сформулировать научно-исследовательскую программу экономической феноменологии, пользуясь термином И. Лакатоса. Основания политической экономии должны начинаться с выключения естественной установки: о существовании экономии и всех тех категорий, которыми пользуется современная экономическая теория; о том, что полезность вещи — это ее способность удовлетворять ту или иную потребность и т. д. Выключение всех предпосылок или установок, т. е. временное вынесение в скобки всего, что может быть подвергнуто сомнению, позволяет нам достичь чистого феномена сознания. Этот этап феноменологической редукции может быть назван этапом солипсизма⁴¹. После него начинается этап дескрипции непосредственно наблюдаемого. Например, так начинает свое исследование К. Менгер, он выносит за скобки все, что не связано с деятельностью субъекта, а потом показывает, что осталось в качестве нередуцируемого остатка; он выключает естественную установку о полезности, т. е. он начинает исследование с негативной работы, а продолжает ее, уже описывая феномен ценности, добытый как дескрипция априорного знания⁴². Если сопоставить этот метод, например, с методом А. Маршалла, то выяснится, что А. Маршалл⁴³ не продлевает негативной работы и не проходит через «очистительный огонь» солипсизма. Поэтому у него периодически всплывают элементы объективизма⁴⁴. Таким образом, метод экономической феноменологии включает в себя выключение естественной установки, вынесение в скобки всего сомнительного, наблюдение чистого феномена и дескрипцию априорного (сущностного) знания.

Нам представляется необходимым закончить нашу статью рассмотрением того, как можно было бы применять метод экономической феноменологии, каковы его перспективы. Во-первых, мы увидели, что экспликацией экономической феноменологии занимается австрийская школа экономической теории, поэтому не требуется создавать с нуля экономическую феноменологию, она должна не давать конкретные методы, а быть верным основанием всей экономической теории, но политическая экономия австрийской школы будет настолько последовательной, насколько она сознательно будет применять экономическую феноменологию, а это в свою очередь приведет и к совершенствованию конкретных областей экономической теории: теории капитала, теории денег, экономического цикла, предпринимательства и т. д. Во-вторых, должен произойти пересмотр ценности эмпирических исследований по сравнению с исследованиями теоретическими, так как непосредственной областью применения экономической феноменологии являются именно теоретические исследования, а эмпирические исследования должны называться по своему существу исследованиями не прикладными, а историческими, так как в области теории остается множество еще не исследованных проблем, требующих своего метода и крайне значимых для понимания экономических явлений⁴⁵. Но это не означает, что экономическая феноменология, практикуемая «австрийцами», ничего не может сказать о прикладных вопросах, в силе остается идея Ф. фон Хайека о структурном предсказании как о теоретическом представлении некоего будущего события. В-третьих, нам представляется важным рассматривать экономическую феноменологию как компаративистику априорных структур, т. е. как сравнительный метод, но примененный к теоретическим вопросам, например, когда исследуются сравнительные особенности экономической системы с институциональным агрессором и без него [29, 41–176].

Феноменология Э. Гуссерля, являясь универсальной наукой о сущем, позволяет дать апокадиптически достоверные основания для такой науки, как экономическая теория. На этих основаниях только и можно построить стройное здание теории, которая не только давала бы нам представления о причинно-следственных связях, но и была бы во всех отношениях плодотворной. Данная статья стремилась к тому, чтобы способствовать как плодотворности экономической теории, так и к тому, чтобы философия как строгая наука стала бы наконец правомерным источником всех наук о человеческой деятельности.

⁴¹ Следует отметить, что революция в естествознании в начале Нового времени предварялась именно солипсизмом, который Э. Гуссерль рассматривал не как конечный этап исследования, а как необходимый методологический прием. Несомненно, что для естествознания этот этап дал плоды, которые последовали из «солипсистских» философий Р. Декарта, Дж. Беркли, Г. Лейбница, И. Канта, Г. Фихте и т. д. Не следует ли из этого сделать вывод, что общественные науки, не пройдя через «очистительный огонь» солипсизма, оказались менее продуктивными, чем науки о природе, и что дальнейшее развитие наук человеческой деятельности должно сознательно пройти через этот этап? Кроме того, К. А. Свасьян писал: «Солипсизм — не столько реальная проблема мысли, сколько «мысленный эксперимент» [26, с. 68].

⁴² Нельзя не согласиться с В. С. Автономовым по вопросу того, как следует переводить «Начала политической экономии» К. Менгера: «значение, которое для нас имеют конкретные блага или количество благ вследствие нашего сознания, что удовлетворение наших потребностей зависит от наличия их в нашем распоряжении (выделено нами — УП)» [13, с. 190–191].

⁴³ А. Маршалл начинает свое исследование не с негативной работы, а с искусственного ограничения исследования, устанавливая, что предметом политической экономии является «нормальная жизнедеятельность человеческого общества» (ordinary life), т. е. само существование предмета не подвергается сомнению, а начало является не последовательно субъективным [20, с. 99].

⁴⁴ В. С. Автономов признает, что А. Маршаллу «пришлось перейти от отдельных индивидов к их большим совокупностям (например, к жителям Ливерпуля или Манчестера), что означало фактически отказ от методологического индивидуализма в пользу среднестатистического индивида» [13, с. 187].

⁴⁵ Перспективные области исследования в рамках австрийской школы перечисляет Уэрта де Сото [28, с. 150–156].

ЛИТЕРАТУРА

1. Автономов В.С. Модель человека в экономической науке. СПб.: Экономическая школа, 1998.
2. Ананьин О.И. Структура экономико-теоретического знания: Методологический анализ. М., 2005.
3. Бабушкин В.У. Феноменологическая философия науки. М., 1985.
4. Бем-Баверк О. Избранные труды о ценности, проценте и капитале. М.: Эксмо, 2009.
5. Блюмин И.Г. Избранные фрагменты об австрийской школе из книги «Субъективная школа в политической экономии» // Избранные труды о ценности, проценте и капитале О. фон Бем-Баверк. М.: Эксмо, 2009.
6. Болдырев И. Экономическая методология и постмодернизм // Вопросы экономики. 2006. № 11.
7. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. СПб.: Наука, 1992.
8. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Кн. 1. / Пер. с нем. Михайлова А.В. М.: Академический Проект, 2009.
9. Гуссерль Э. Идея феноменологии: пять лекций / Пер с нем. Н.А. Артеменко. СПб.: ИЦ «Гуманитарная академия», 2008.
10. Гуссерль Э. Картезианские размышления. Серия «Слово о сущем». СПб.: Изд-во «Наука» РАН.
11. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. СПб.: Изд-во «Владимир Даль», 2004.
12. Гуссерль Э. Философия как строгая наука // Логос. Кн. 1. М., 1911.
13. История экономических учений / Под ред. В. Автономова, О. Ананьина, Н. Макашевой. М.: ИНФРА-М, 2000.
14. Какабадзе З.М. Проблемы экзистенциального кризиса и трансцендентальная феноменология Э. Гуссерля. Тбилиси, 1966.
15. Кейнс Дж.М. Экономическая наука и эконометрика: полемика Кейнса и Тинбергена // Общая теория занятости, процента и денег // Избранное. М.: Эксмо, 2007.
16. Куббеду Р. Политическая философия австрийской школы: К. Менгер, Л. Мизес, Ф. Хайек / Пер. с англ. Под ред. А. Куряева. М.: Челябинск, ИРИСЭН, Мысль, Социум, 2008.
17. Лосский Н.О. Обоснование интуитивизма // Избранное. М.: Изд-во «Правда», 1991.
18. Лукач Г. Что такое ортодоксальный марксизм // История и классовое сознание / Пер. с нем. С.Н. Земляного. М.: Логос-Альтера, 2003.
19. Блауг М. Методология экономической науки, или как экономисты объясняют. / Пер. с англ. науч. ред. В. С. Автономова. М.: НП «Журнал Вопросы экономики», 2004.
20. Маршалл А. Основы экономической науки. М.: Эксмо, 2007.
21. Мизес Л. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории / Пер. с англ. А.В. Куряева. Челябинск: Социум, 2005.
22. Мотрошилова Н.В. «Идеи I» Эдмунда Гуссерля как введение в феноменологию. М.: 2003.
23. Мотрошилова Н.М., Соловьев Э.Ю. Вопросы философии. 1964. № 5.
24. Ойкен В. Основные принципы экономической политики / Пер. с нем. Л.И. Цедилина. М.: Прогресс, 1995.
25. Ойкен В. Структурные изменения государства и кризис капитализма // Теория хозяйственного порядка: Фрайбургская школа и немецкий неоллиберализм / Пер. с нем. В. Гутника. М.: Экономика, 2002.
26. Свасьян К.А. Феноменологическое познание. Ереван, 1987.
27. Смирнова Н.М. Социальная феноменология в изучении современного общества. М.: «Канон +» РООИ «Реабилитация», 2009.
28. Уэрта де Сото. Австрийская экономическая школа: рынок и предпринимательское творчество / Пер. с англ. Б.С. Пинскера. Под ред. А.В. Куряева. Челябинск: Социум, 2007.
29. Уэрта де Сото. Социализм, экономический расчет и предпринимательская функция / Пер. с англ. В. Кошкина. Под ред. А. Куряева. М., Челябинск: ИРИСЭН, Социум, 2008.
30. Хайек Ф. Контрреволюция науки: этюды о злоупотреблении разумом. М.: Либеральная миссия, 2003.
31. Хайек Ф. Судьбы либерализма в XX веке / Пер. с англ. Б. Пинскера. Под ред. Т. Даниловой, А. Куряева. М., Челябинск: ИРИСЭН, Мысль, Социум, 2009.
32. Худокормов А. Современная экономическая теория Запада (обзор основных тенденций) // Вопросы экономики. 2008. № 6.
33. Шпет Г.Г. Внутренняя форма слова. М., 1927.
34. Шпет Г.Г. Очерки развития русской философии // Избранное. М. Изд-во «Правда», 1989.
35. Шпет Г.Г. Явление и смысл // Философско-психологические труды. М.: Наука, 2005.
36. Шумпетер Й. История экономического анализа: в 3-х томах / Пер. с англ. Под ред. В.С. Автономова. СПб.: Экономическая школа, 2001.
37. Юм Д. Трактат о человеческой природе. Кн. 1. О познании / Пер. с англ. С.И. Церетели. М.: «Канон +» РООИ «Реабилитация», 2009.
38. Blaug M. Ugly currents in modern economics // Maki (ed). 2002.
39. Farber M. Foundation of Phenomenology. 1943.
40. Hayek F. Sensory order. An Inquiry into Foundations of Theoretical Psychology. Chicago: University of Chicago Press, 1952.
41. Husserl E. Formale und transzendente Logik.
42. Husserl E. Ideen III.
43. Husserl E. Phanomenologische Psychologie.
44. Husserl E. Zur Phanomenologie des inhere Zeitbewusstseins. «Husserliana». Bd. 10. Haag, 1966.
45. Popper K. Epistemology without a knowing subject // Objective Knowledge. Oxford, 1974